

В боях под Сморгонью

«Женщина с ружьем» в Первой мировой войне

Валентина ВИРСКАЯ,
кандидат исторических наук

О первом глобальном конфликте XX века написано немало научной и публицистической литературы. Вместе с тем историография такого явления, как «женская мобилизация», еще остается белым пятном. Первая мировая война загнала в окопы большую часть мужчин во всех цивилизованных странах. Война развязала вкус к жестокости. Как ощущали себя в этом кровавом вихре женщины, оказавшись в самой гуще военных событий? Кто они, отважные амазонки, пожелавшие разделить тяготы войны с мужчинами?

Летом 1915 года лавина Первой мировой войны докатилась до Беларуси, территория которой фактически превратилась в прифронтовую зону российской армии. К началу сентября ее войска под угрозой окружения вынуждены были отступить, а Виленская губерния стала одним из основных военных театров на Западном фронте. Сюда в составе маршевой 13-й роты 28-го Полоцкого пехотного полка 7-й дивизии к 5-му армейскому корпусу была прикомандирована разведчица Мария Бочкарева. Вначале полк дислоцировался около деревни Слобода, что на реке Нарочанка, а затем переместился на передовые позиции напротив высоты «Фердинандов нос». Это был один из самых нестабильных оборони-

тельных участков, где «Яшка» (армейская кличка Бочкаревой) получила боевое крещение, впервые столкнувшись с отравляющими газами – «...самым бесчеловечным из всех германских военных изобретений. Убийственный газ проникал внутрь, вызывая в глазах острую резь и слезы. Но мы же были солдатами матушки-России, и поэтому мы сумели выдержать воздействие этих раздражающих газов» [1, с. 17].

В последующих боевых операциях, и особенно в ходе Нарочской, которая проводилась с 18 по 28 марта 1916 года, газовые атаки стали обычными в военной тактике немцев. В течение двухнедельных боев в районе озера Нарочь «Яшка» бесстрашно ходила в штыковые атаки, вытаскивала раненых с поля боя, была несколько раз ранена. В той операции, которая для русской армии явилась примером неудачного прорыва позиционного фронта, М. Бочкарева получила свою первую награду – медаль «За храбрость».

В ходе летнего наступления 1916 года для прорыва немецкой обороны был выбран участок Сморгонь – Крево, где вражеские позиции были сильно укреплены. Русским войскам предстояло преодолеть четыре полосы, каждая из которых включала три линии окопов и траншей, защищенных проволочным заграждением с 15–20 рядами кольев. Были также выстроены железобетонные доты, блиндажи и бетонные укрытия. Как известно, наступление армий Западно-

ОБ АВТОРЕ

ВИРСКАЯ Валентина Петровна.

Родилась в пос. Кулешово Буда-Кошелевского района Гомельской области. В 1993 году окончила исторический факультет Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, в 2004 году – аспирантуру Республиканского института высшей школы БГУ.

В 1991–1999 годах работала учителем в системе средних общеобразовательных школ. С 1999 года – старший преподаватель, с 2004 года – доцент кафедры истории мировой цивилизации Международного гуманитарно-экономического института.

С 2006 года – доцент кафедры общенаучных дисциплин гуманитарного факультета Белорусского государственного университета.

Кандидат исторических наук (2004).

Автор более 20 научных работ по вопросам истории и историографии Беларуси, а также учебно-методических пособий по истории.

Сфера научных интересов: историография истории отечественной интеллигенции советского периода, проблемы методологии и методики преподавания истории.

► Мария Леонтьевна Бочкарева имела четыре Георгиевские награды – два креста и две медали, а также одну золотую медаль «За усердие»

го фронта протекало крайне нерешительно, уже 9 июня русские вынуждены были прекратить боевые действия, потеряв около 80 тыс. человек. О масштабах разрушений Сморгони дает представление репортаж «Из мертвого города» в журнале «Нива»: «Город до самого основания разбитый и разрушенный тяжелой немецкой артиллерией» [2].

Революционные события февраля 1917 года в Москве и Петрограде довольно быстро докатились и до Западного фронта, где продолжала служить М. Бочкарева и где на то время был довольно низким морально-боевой дух русской армии. В апреле 1917 года с агитационной поездкой за «войну до победного конца» на Западный фронт приехал председатель IV Государственной думы М. Родзянко, котрый встретился с Бочкаревой и пригласил ее в Петроград для участия в агитационной кампании за продолжение войны. Она приняла его предложение, а затем, «войдя во вкус» своей роли, на одном из митингов выдвинула идею создания «Ударного женского батальона смерти».

Выступая в Таврическом дворце перед солдатскими делегатами, М. Бочкарева призывала: «Граждане и гражданки! Наша мать, наша матушка Россия гибнет. Я хочу помочь спасти ее. Я зову с собой женщин, чьи сердца и души кристально чисты, а помыслы высоки. Покажем же мужчинам в этот тяжкий час пример самопожертвования, чтобы они заново сознали свой долг перед Родиной!.. Мораль наших мужчин низко пала, и мы, женщины, обязаны послужить им вдохновляющим примером» [3,

▼ Марш вперед, вперед на бой, Женщины-солдаты! (Из песни 1-го Петроградского женского батальона)

с. 31]. На вопрос Верховного главнокомандующего А. Брусилова «Надеетесь ли вы на женщин?», Бочкарева ответила: «Я сама в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то ручаюсь, что мой батальон не осрамит Россию». В качестве весомого аргумента она добавила: «Солдаты в эту великую войну устали, и им нужно помочь... нравственно» [4, с. 60].

Тем временем 1 мая 1917 года в полосе передовых окопов на участке между озерами Нарочь и Вишневецкое произошли первые братания русских с австрийскими и германскими солдатами. В окрестностях Сморгони, в деревнях Белая, Залесье и Криво, где располагались резервы, проходили митинги и собрания, дисциплина в армии стремительно падала, ведущей стала идея революционного пораженчества. В июне здесь выступал министр-председатель Временного правительства А. Керенский, призывая разговаривать с немцами «только посредством пули и штыка».

Временное правительство, убежденное, что успех войны зависит исключительно от восстановления моральной боеспособности армии, охотно поддержало формирование войсковых частей из женщин-добровольцев [5, с. 68–69, 72–73]. В тылу обретала все больший размах патриотическая кампания с призывом к женщинам

записываться в маршевые роты и батальоны, осваивать военные специальности. Особую активность проявил созданный в Петрограде Комитет женских маршевых отрядов. Как писал «Листок войны», 20 мая 1917 года Комитет обратился к А. Керенскому с просьбой разрешить формирование «исключительно женских отрядов», чтобы «вселить дух бодрости и отваги в сердца малодушных воинов» [6]. На призыв откликнулись свыше двух тысяч женщин. По личному распоряжению А. Керенского женщинам-солдатам в Петербурге на Торговой улице выделили отдельное помещение, назначили десять опытных инструкторов для обучения их военному строю и обращению с оружием.

21 июня 1917 года на площади у Исаакиевского собора состоялась торжественная церемония присяги батальона Временному правительству. Обряд освящения батальона проводили два архиепископа и двенадцать священнослужителей. Ему было вручено боевое знамя с надписью «Первая женская военная команда смерти Марии Бочкаревой». В случае гибели командира знамени передавалось в собор на вечное хранение. Генерал Л. Корнилов от имени фронтового командования преподнес Марии револьвер и саблю с золотым эфесом, а А. Керенский зачитал приказ о производстве в прапорщики – первый офицерский чин. «Я думала, что все взоры устремлены на меня одну, – рассказывала позднее Бочкарева. – Свершилось, впереди – фронт!» [1, с. 26]. 23 июня батальон в составе 300 человек отправился на передовую.

Среди различных официальных взглядов на формирование женских частей приведем наиболее характерное. Так, генерал-лейтенант А. Деникин как главнокомандующий армиями Западного фронта на ходатайстве об их создании в Минске написал следующую резолюцию: «На фронт прибывает Петроградский женский легион Бочкаревой. Нужно выждать и посмотреть, как к нему отнесутся войска. До тех пор признаю формирование преждевременным и нежелательным». И далее: «Что сказать про «женскую рать»?.. – писал в своих мемуарах А. Деникин. – Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить

сильный караул для барачков, т.к. революционные солдаты приставали к «бабам» с недвусмысленными предложениями» [7, с. 348].

В начале июля батальон прибыл в расположение 1-го Сибирского армейского корпуса, который занимал позиции у деревень Цари – Селец, и разместился в фольварке Касымов. Каким был повседневный быт, кто они и как выглядели эти отважные женщины, пожелавшие разделить тяготы войны с мужчинами? В журналах «Великая война в образах и картинах» есть скупые заметки, запечатлевшие женщин-солдат в весьма прозаических образах [8]. Так, указывалось на отсутствие единства и согласия между командиром и подчиненными. На Бочкареву поступали жалобы командующему Петроградским военным округом генералу Половцеву: была груба, била женщин по лицу как старорежимный вахмистр. Корреспондент газеты «Биржевые ведомости», посетивший казармы в июне 1917 года, отмечал: «Бросается в глаза интеллигентная внешность солдат. Еще бы: в составе батальона до 30 % курсисток (есть бестужевки) и свыше 40 % со средним образованием... Всюду звенящим металлом звучит команда организатора батальона – унтер-офицера Бочкаревой. Она мелькает, как метеор, перебегая от одного взвода к другому, и вся горит огнем вдохновившей ее идеи...». Однако основную массу бойцов составляли портнихи, учительницы, сестры милосердия, работницы из провинции. Были также приятны женщины, досрочно освобожденные

▼ Стрижка наголо при вступлении в батальон. Лето 1917 года

▲ Обучение женщин-рекрутов

из заключения, «чтобы дать возможность грешницам искупить вину на полях сражений» [1, с. 34].

Безграмотных женщин Бочкарева заставляла обучаться чтению. Сквернословие в батальоне не допускалось. Запрещалась организация всяческих «советов и комитетов», любой партийной пропаганды. Была введена армейская дисциплина – подъем в 5 утра, занятия до 10 вечера, простая солдатская еда, мужское оружие. Внешнее описание своих солдат дает сама Бочкарева: «Каждая девушка шла с полной выкладкой – около шестидесяти пяти фунтов веса, солдатская форма не по размеру, остриженные наголо волосы. До штаба было тридцать верст» [1, с. 35]. Нелегким испытанием явились тяжелые физические нагрузки:

▼ Торжественная церемония присяги батальона Временному правительству

«Несколько человек моих солдат заболели в результате трудного перехода. Двое из них – Скрыдлова, мой адъютант, дочь адмирала, командующего Черноморским флотом, и Дубровская, дочь генерала, – были настолько слабы, что их пришлось отправить в госпиталь. Я назначила своим адъютантом княжну Татуеву из знаменитого грузинского княжеского рода. Она была отважной и преданной девушкой, высокообразованной, свободно владела тремя языками» [1, с. 36]. Следует отметить, что полный список участниц батальона пока не установлен.

Передовая встретила женщин артиллерийскими обстрелами и бомбежками с воздуха. В начале июля 1917 года на участке Сморгонь – Крево была предпринята попытка контрнаступления русской армии. Если артиллерийские и инженерные части были полностью готовы и выполняли все приказы, то солдатские комитеты других частей отказывались выходить на позиции. После нескольких дней артподготовки в наступление должна была идти пехота, но солдаты под воздействием агитации большевиков были деморализованы. Они отказались вступать в бой, покидали окопы и отходили. Как пишет А. Лебеденко, были случаи, когда женщины останавливали бегущих, прекращали грабеж, отнимали у солдат бутылки со спиртными напитками и тут же разбивали их [9, с. 646–647]. Попробуем представить, что значило отобрать у вооруженного человека бутылку и тут же ее разбить, не боясь при этом получить пулю или удар штыком...

7 июля 525-му Кюрюк-Дарьинскому полку 132-й пехотной дивизии, в состав которого входил женский батальон, поступил приказ занять позиции близ урочища Рогачево у деревни Крево. По свидетельству полковника Г. Чемоданова, батальон в течение 9–10 июля отбил 14 атак противника: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, все время в передовой линии. При атаке немцев по своему почину бросился как один в контратаку, что позволило взять две линии немецких окопов; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской революционной армии» [10, с. 87].

Женская храбрость в бою было отмечено А. Деникиным: «Батальон... доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку – беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыхленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов»...» [7, с. 349].

В этом первом бою потери женского батальона составили 30 человек убитыми и около 70 ранеными. М. Бочкарева была тяжело ранена и контужена. За этот бой она была награждена Георгиевским крестом и произведена в чин подпоручика. После лечения в петроградском госпитале она вернулась на фронт к своему батальону, который до середины октября 1917 года занимал позиции на передовой около деревни Белая (вторая линия обороны в 5 км от Сморгони). За отличное удержание боевого участка М. Бочкарева получила звание поручика. В основном женщины препятствовали братанию: стреляли в гуляющих по нейтральной полосе немцев. Это вызывало бурное негодование у своих же солдат и ответную стрельбу из пулеметов по позициям батальона.

На этом фоне катастрофически развивалось пьянство, о чем сообщали 3 и 18 октября «Петроградская газета» и 20 октября «Биржевые ведомости». В книге Бочкаревой есть характерный для этого периода войны эпизод. В условиях, когда братание приняло большой размах и огонь не велся ни с той, ни с другой стороны, однажды целый австрийский полк ввалился со спиртным в русские окопы, где была устроена «братская» пьянка. Попытка братания имела место в соседнем, 266-м полку, которая «...объясняется желанием солдат получить от неприятеля табак» [11, с. 140]. С глубоким сожалением пресса также сообщала о фактах расстрелов в спины ударных батальонов своими же частями, об отказах хоронить погибших товарищей [12].

В справке, составленной Верховным главнокомандующим Л. Корниловым в августе 1917 года, предписывалось: «Дальнейшее формирование из женщин-доброволиц частей чисто боевого назначения прекратить: части уже существующие оставить пока на фронте... воспользоваться ими для

охраны дорог» [11, с. 169]. После свержения Временного правительства по распоряжению из Петрограда батальон был расформирован. Оставленные на позициях женщины продолжали служить в командах службы связи, в отрядах Красного Креста. Можно предположить, что при более активной поддержке со стороны командования женские батальоны могли бы приобрести больший размах и дать большую отдачу.

В результате Сольского перемирия, заключенного 4 декабря 1917 года с германской армией, боевые действия были приостановлены на два месяца. Упоминания о Сморгони и женском ударном добровольческом «батальоне смерти» выпали из боевых сводок. Следует отметить, что на сегодняшний день место захоронения погибших 30 женщин не выявлено. Хотя жительница деревни Крево Татьяна Рапацевич была уверена, что братская могила находится на хозяйственном подворье ее родителей. Проводившиеся местными краеведами поиски велись за линией обороны немцев, где расположены захоронения российских воинов. Однако погибшие женщины-герои были похоронены немцами в братской могиле на бывших русских позициях [13]. Как нам представляется, эта могила имеет такое же значение, как все другие объекты материальных свидетельств Первой мировой войны, а подвиг женщин-солдат не должен уйти в полное забвение. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарева, М. Яшка. Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная / М. Бочкарева; лит. запись И. фон Левина; вступл., публ. С. Дрокова; сокр. пер. с англ. И. Дорониной // Дружба народов. – 1993. – № 6. – С. 5 – 47.
2. Из мертвого города // Нива. – 1916. – № 25.
3. Отношение к войне: вопросы обороны и борьбы за мир // Искры. – № 20.
4. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – Минск: Харвест, 2003. – 429 с.
5. Померанц, Г. Вкус к жестокости / Г. Померанц // Родина. – 1993. – № 8–9. – С. 63–78.
6. Протокол заседания Комитета женских маршевых отрядов г. Петрограда // Листок войны. – 1917. – 20 мая.
7. Деникин, А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 года). – Минск: Харвест, 2003. – 463 с.
8. Великая война в образах и картинах: вып. 1–14. – Изд. Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1914–1917. – № 10–11. – 1916.
9. Лебеденко, А.Г. Тяжелый дивизион / А.Г. Лебеденко. – Л.: Лениздат, 1969. – 752 с.
10. Чемоданов, Г.Н. Последние дни старой армии / Г.Н. Чемоданов. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 136 с.
11. Разложение армии в 1917 году / Центархив; подгот. к печати Н.Е. Какуриным; с предисл. Я.А. Яковлева. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – 190 с.
12. Хроника из окопов: Редакционная заметка // Листок войны. – 1917. – 29 сент.
13. Камінскі, А. Апошні бой жаночага батальёна / А. Камінскі // Светлы шлях. – 2005. – 7 снежня.